

Борис Пейгин

Гражданские сумерки

Воймега

С бурной стихией в томительном споре...

Е. А. Боратынский

серия «Пироскаф»

Борис Пейгин

Гражданские сумерки

Москва

«Воймега»

2020

УДК 821.161.1-1 Пейгин
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П24

*Книга издана с использованием гранта
Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов*

Б. Пейгин

П24 Гражданские сумерки / Борис Пейгин. — М.: Воймега, 2020. — 116 с. — (серия «Пироскаф»)

ISBN 978-5-6044237-2-1

Борис Пейгин родился в 1988 году в городе Северске Томской области, окончил юридический факультет Томского университета. В разные годы был грузчиком, курьером, официантом, бригадиром расклейщиков объявлений, таксистом. После окончания университета работает адвокатом. Публиковался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Знамя», «Плавающий мост», «Дальний Восток» и других. «Гражданские сумерки» — дебютная книга автора. Издана по итогам конкурса «Путь в литературу. Продолжение» Союза писателей Москвы.

ISBN 978-5-6044237-2-1

© Б. Пейгин, текст; 2020
© «Воймега»; 2020

Собачий остров

* * *

Под Собачьим островом в омуте спит водяной,
Пузырится-дышит в цветущей воде хмельной,
У причалов мелькомбината с удилиц наживку ест,
Осетра в три пуда съедает в один присест.

На Собачьем острове густо цветёт полынь,
Тонет в протоке пустой предрассветная стынь,
Над кривым фарватером тощей, булыжной Томи
Выбирается красный якорь, июлем сырым томим.

...ржавые баржи по деку в полой воде стоят,
Водяного три года назад пришиб ковшом земснаряд,
У причалов мелькомбината, как прежде, сидят рыбаки,
И, как прежде, с крючков уходят в мутную воду мальки.

* * *

Из квадратных окон
Прямых квартир
Я смотрю на фронтир,
Я смотрю на фронтир,
Где смеётся смолисто большая тайга,
Из двухмерных квадратных окон,

Там ли мшистый солнечный блик
Распушил по реке корабли?
Глянет в мягкие берега
Из-под туч Хосидэмово око.

Если тальник с твоей убежит руки,
Я залягу в тальвеге дна реки
И над омутом зазимую,
Я пойду за фронтир, за ночной предел,
Где петляют зимники по воде —
По глубокой воде,
По большой воде,
Я на север пойду напрямую.

На Медвеьем мысу,
На моём носу,
Где протока ветвится, как толстый сук,
Ты гуляешь по небосводу,

И далёк уголёк, и могуч, как нойон,
Парабельский район, Каргасокский раёк,
И дороги уходят под воду.

* * *

Координатную сетку на мне
Ты чертишь рукою, а я забываю.
Воспоминанья по гладкой спине
Бегут, грохоча, как пустые трамваи,

Мимо седых параллелей лет,
По звонким рельсам меридианов
От неслучившихся в прошлом бед
До несбывавшихся в будущем планов.

Я — тропик Рака, пустой пунктир
На старой и очень неточной карте,
Натянутый между миров-квартир,
И топливо в баке, и ключ на старте,

И не настанет иного дня,
Пока не исчертится эта дорога.
Езжай и не бойся. Держась меня,
Достигнешь и берега, и порога.

Метеорологический сонет

В июньском небе закалялась сталь,
Деревья сжались ветренным корсетом.
Всю ночь гремело. Ливень мыл асфальт
И с крышами высоток вёл беседу.

Он нудно, монологом говорил
И ладил лужам жёлтую оправу.
Циклон сигару дымную курил,
Улёгшись на Кузнецкий Алатау

Вплоть до прогнозами назначенного срока.
Ручьи из слёз ливнёвок-водостоков
Уносит располневшая река.

И там, вдали, объёмисто-огромны,
Ректификационные колонны
На ордерах покоят облака.

* * *

За Басандайкой, в Аникинских переулках,
Где лето пахнет хвоей или баннным дымом,
Я рисовал тебя дрожью щитка приборов,
Электро-оранжевым и ядовито-зелёным.

Из хвойного леса, как из резной шкатулки,
Где я бывал со всем инструментом необходимым,
Я извлекал тебя по ниточкам разговоров
И руки грел над коллектором раскалённым —

Но не в твоих руках, не в редких прикосновеньях
Случайных объятий, неявно и исподволь резких,
Не в шаге ног, сошедшихся под столами,
И не во взгляде — глянцевом, акварельном.

И встречи все — затянувшиеся мгновенья,
И ты — лицо седой известковой фрески...
Но демонов всех страшнее, химер и ламий,
Не видя тебя, у стенки стоять расстрельной.

За годом год на Южной площади шумной
Я делать пытался вид, что не глупее прочих,
Снося покорно молчанье недели каждой —
Но что же ещё поделать, скажи на милость?

Да только влюблённый совсем не бывает умным,
И я молился сырой предвоскресной ночью
Святому Фиакру — увидеть тебя однажды,
Но ты, конечно, ни разу мне не приснилась.

* * *

На бельевой верёвке ветер былое треплет,
В стылые прошлые ночи дует, как в паруса.
Март, выходя на подмости, не произносит реплик:
На календарных листьях выпадет, как роса.

Через стекло двойное небо кажется скользким;
Солнце идёт на запад через косо́й горизонт.
В этих воспоминаньях нету ни капли пользы:
Самый знакомый запах запретней закрытых зон.

Но может — быть только может — ветер его подхватит
И понесёт вдоль дороги, шлифуя спины камней,
Лысые кроны тревожа, по перемёрзлым гатям,
Порывом швырнёт через реку — и принесёт ко мне.

* * *

На Батенькова, под часами,
Ты видел, человеческий сын,
Как эти самые часы
Уходят сами, сами, сами?

Как сам себя за хвост кусает
Кольцом трамвайным циферблат?
А вечер тучен и крылат,
А воздух так непроницаем,

Как пёс голодный, руки лижет,
А осень ближе, ближе, ближе...

* * *

Женщины, кислые, как молодое вино,
Ходили вдоль площади Соляной,
Немезида, на крышу присев отдохнуть,
Разогнала голубей,
Крошила гардой клинка
Кровавые кирпичи.
Небо было в тот год и ниже, и голубей,
Там ходили женщины,
Ходили, кислые,
Вдоль забора и мимо ларька,
И дома достоевские были желты,
И апрельская пыль горька,
Я в тот год ещё слышал, как
Батистовый город, словно пёс бездомный, ворчит.

Да теперь не то: Немезида сидит
На крыше, с раскрошенного плеча
По колоннам, по архитраву стекает
Каинова печаль,
По асфальтовым волдырям,
По раскрытым порам,
По Кузнечному взвозу бежит Дунай,
И от хереса женских глаз воротит,
Как с бодуна.
И с югов возвращаются боги
С первой зеленью светофора.

* * *

Пробей головой
Фронт грозовой,
На подбрюшьё грозы —
Тузы,
Озорные и козырные,
Хляби грянут —
Грядёт потоп,
Мы доедем до Чажемто,
Там сойдём на грунт, а потом
Будут вечные выходные.

В предрассветном дыму
На Тыму
Припасён про запас
Напас,
Там болотный сок
Убегает в песок
И вступает носок в обласок —
В воскресенье брусничный спас.

Песни
четвёртого
Каштака

* * *

Я раздвинул шторы, открыл окно,
Я смотрел на твой город с верхушки башни;
Там в подъезде любом, как в гробу, темно
И любая газета выходит вчерашней.

Там, где ты ходила, — трава стоит,
Одуванчик горький и едкий лютик,
В твоём доме уютные свили свои
Ипотечные гнёзда другие люди.

Ты ни в нём, ни за ним не была моей.
Ни тоска, ни горечь, ни ностальгия,
Ничего из этого — ей-же-ей!..
Времена другие — слова другие.

Эта дурь ещё не сошла с меня:
В голове опилки нельзя запудрить.
Я бы все стихи на тебя сменял,
На хлопчатые руки, льняные кудри...

Но когда пришедшая вдруг зима
Все дворы и проезды собой заполнит,
Кто из нас настолько сойдёт с ума,
Чтоб сверхновой вспыхнуть в январский полдень?..

...и лежащая на земле вода
Не растает вдруг и ручьём не ахнет.
Я хотел бы с тобою уйти туда,
Где апрель озоном и дымом пахнет.

Вот апрель настал и снега сошли,
Чёрный грач порхает над чёрной пашней —
Не с того мы с тобою ума сошли.
Я смотрел на твой город с верхушки башни...

Окно

Где-то там, далеко-далеко,
Среди тысяч других одно,
Узнаваемое нелегко,
Одиноко горит окно.
И не очень оно высоко,
Не зашторено вроде, но —
Мокрый снег и ночь на дворе.
Кто откроет окно в октябре?

* * *

Фалес во мне потушит Гераклита —
Что простота заходит на ура,
Что лучше выпить, чем не выпить литр...
Что я взалкаю к девяти утра,

Мне нагадали как-то раз по книге.
Я вновь её открыл, но со страниц
Смоковницы показывают фиги,
И я пред ними припадаю ниц,

И поздним утром, добрым, но не бодрым,
Дыханием горючим, как бензин,
В час третий проповедую билбордам
И голубям у входа в магазин.

* * *

Настанет отопительный сезон,
Сухой, зернистый — хлебная краюха,
И город мой прозекторской фрезой
Вспорол себе асфальтовое брюхо

И, выпроставши ржавые кишки,
Меня травил оттуда понемногу
И складывал в корыта и в мешки,
А дни бежали — медленно, не в ногу.

Настало время — обметали печи,
И ветер бил в гортань, под дых и в печень,
И брал на понт, и пыль пускал в глаза,
А осень с хрустом расправляла плечи.
Я никогда не ворочусь назад.

Мой город смялся, сжался и набряк,
И тело скрыл в домах-оранжереях,
И там к зиме желтеет и жиреет,
Считая дни с начала сентября.

А я затёк в подвалы, как радон.
В спокойствие отсутствующих красок,
Взгляни на руки этих городов,
На выбухшие вены-теплотрассы,

На сало окон, месяц молодой —
И не спускайся улицами теми,
Где я бежал горячею водой
В незамкнутой двухконтурной системе.

Вниз
по медным
трубам

* * *

подражание Рембо

Я вечером одним засел на «Красносельской»,
В кофейне у метро, где много жёлтых ламп,
Я царь, и эпоним, и настоятель Мелькский,
И Одиссей-Никто — на лбу проставлен штамп.

Слоняясь по Москве без цели и без дела,
Я изорвал носки и туфли истоптал,
Зато я наблюдал, как небо поседело,
Из голосов метро вытапливал металл.

Я ручку попросил и принести эспрессо,
И из-за туч глядел невидимой Луной,
И своего ничем не выдал интереса —
Есть вечер и Москва, что говорит со мной.

НОВОМОСКОВСК

Июнь полощет шёлк негашенных рубашек
Во вздохах будних дней и девяти утра,
Расправив рукава конструктивистских башен
С вершин прямых углов, открытых всем ветрам.

Я шёл идеей карт с Урала и с Мещеры,
Плетям благих дорог подставляясь под удар,
Сквозь хоровод теней платоновской пещеры,
Но мнения всегда приводят не туда.

И город мнил меня своим аксессуаром.
Меня накрыл собой Камер-Коллежский вал,
На поездах толпы по рельсам тротуаров
Я двигался на юг и кольца разрывал.

Звук водосточных флейт и выхлопных свирелей
Я прорубал собой, как тёмный лес теслом;
На шее у Москвы, в каширском Ожерелье,
Речные жемчуга моих случайных слов.

И парусный норд-ост забрасывал на гору:
На световых столбах струистого тепла
С экрана облаков сиял небесный город,
Нерукотворный свой чуть приоткрыв генплан,

Исполненный людей, как древнеримский форум:
Некассовый ситком, неснятый эпизод.
Я прорастал костями в высокую платформу,
Я цифры на табло, я пыль, я креозот.

Несовершенный вид несовершённых действий
Но был урочный день: следы моих носков.
Впечатаны в кессон под свод «Красногвардейской»,
Москва — Новомосковск, Москва — Новомосковск.

* * *

Мой первый ход прямее, чем паренский нож.
Мой ход второй круглей, чем медный пятак.
Вденьте мне в ноздри грубые нити рогож,
Я завяжу их внутри — и никто не узнает как.

С такой точки зренья душный плацкартный вагон
Есть больший мистик, чем старый суфийский шейх, —
Он следует по Пути не шагом и не бегом;
Конечная точка билета всегда выгоняет взашей.

Танцуй, проводница, танцуй на мешке с бельём!
Испарину губ твоих я буду видеть во сне.
Я ухо своё в дверной пригвоздил проём,
Жалея немного о том, что не остался с ней.

Маршрутная скорость есть спорная величина,
Удары плетей бесстыкового пути
Бичуют вагоны-архаты. Дорога одна,
И вплоть до списанья с неё невозможно сойти.

Железнодорожная баллада

I

Много лет подряд я иду по твоим следам,
По земле, по морю, по антарктическим льдам,
По сухим саваннам, по дождевым лесам,
По написанным жирным грифелем адресам.
В телефонных книгах, в префиксах номеров,
В полумраке подъездов и черноте дворов,
На метровых каналах, в радио проводном
Я ищу отпечатки пальцев, оттиск руки родной...
По квитанциям старым, бухгалтерским всем нулям,
По заломам страниц, по заметочкам на полях,
По обрывочным фразам этих людей и тех,
По пустынным залам покинутых библиотек,
Где слова твои живут на страницах книг,
В чёрной бездне смыслов, в которые я не вник;
Я искал тебя, и дни потеряли счёт,
В городах и весях и чёрт знает где ещё,
В музыкальных школах, в занюханных драмкружках,
Заходя в былое, как в Нарнию, через шкаф,
Много лет подряд, обернувшись днём сурка.
Вены, как хребты, по моим пролегли рукам,
На ладонях моих расчертились бассейны рек,
И таро земных географий сложилось в моём дворе.
Много лет подряд я иду по твоим следам,
Как по спутным следам самолётов всегда идут поезда,
Как на нересте рыба находит речной исток,
Как нечётные числа ведут на запад, чётные — на восток,

Как за ветром следуют птицы с далёких пор;
Между скорых зимних раскинулся аэропорт,
Между автостанций прячется речвокзал,
Между вздохов разбега всегда свистят тормоза...
Как в делирии пьяном, как в парафренном бреду,
По следам твоим, как за звездой, иду.

II

И попутчик мне рассказал, что один еврей
С молотком и гвоздями стоял у твоих дверей,
Разминая ухо, раздумывал так и сяк,
Чтобы было просто, вот он, вот дверной косяк,
И стоял шесть лет, а после того, на седьмой,
Никого не дождавшись, понурый ушёл домой.
Только я, увы, почти чистокровный гой,
И в дверях твоих, значит, кто-то стоял другой,
И покуда я, как женщин, менял поезда,
Было сказано: Мне отмщенье, и Аз воздам...
И попутчик наполнил рюмки, и я испил,
И по венам помчался моим растворённый спирт.
И в коробчатой колыбели, скрючившись, я дремал,
Вспоминая твои адреса и твои дома...
...Утро билось в виски похмельем, и я взалкал,
И упало Солнце в тонкий пивной бокал,
И шипело и пенилось, растворяясь, как аспирин,
И не ведало точный адрес твоей двери.

III

Солнце село в четыре, декабрь-фример-нивоз,
В горловине прожектором вспыхнул электровоз,
На вокзал прибывает поезд в белом пуху,
На платформе номер его, как имя звезды, на слуху;
И качает вагоны, тележки шлифуют путь,
И на окнах справляют вязь серебро и ртуть;
Поезд мчится по насыпи, взбив декабрю постель,
Обогнав расписание и обогнав метель,
Сквозь пустые посёлки, сквозь степи и сквозь леса,
По равнинам, по сопкам, по часовым поясам,
И в уюте душном приснится последний вздор,
Что, к примеру, поезд гонится за звездой.
Двадцать семь потов побежали моей спиной —
Я лежал в метели, проглочен змеей стальной.
Если поезд на всё способен, на всё готов
И надежду — не ток — пьёт пантографом с проводов?
...Не взлететь, не подняться, но поезду что с того,
Что он знает своей электрической головой?
Кто ему, безумному, мог бы подать совет,
Что теперь не ветер придётся догнать, а свет?
Если курс до цели рассчитан, проложен, взят,
Что теперь заверенья, что к цели никак нельзя?
Что по рельсам ему ни одну звезду не нагнать,
Что у звёзд совсем другая система координат,
Что с Земли наблюдаемый свет её неземной
Излучён был ею когда-то давным-давно
И что в звёздном свете нет никаких чудес,
Что в глубоком космосе ещё холодней, чем здесь,
Что он поезд, а не Бар-Кохба и не Махди
И что с рельсов лучше всё-таки не сходить,

Что он связан сетью по всем ногам и рукам
И что сталь на морозе становится так хрупка,
Что порывы контактного провода так часты,
Что не выдержат рельсы, уйдут в резонанс мосты,
Что за гладкой плетью всегда ударяет стык,
Что в метельном небе нет ни одной звезды,
Что в любую погоду, как ни был бы он иском,
Ни одной звезде не найти его в телескоп
И что ни одной, как бы та ни была близка,
Никакого нет интереса его искать?..
Кто его пожалеет, несчастного, не соврёт,
Что вблизи звезды его на атомы разорвёт,
И затащит внутрь, и переплавит в свет,
Что с Земли имеет знакомый алмазный цвет?..
...просыпаюсь со странным чувством, что вроде жив.
В подстаканнике погнутом ложечка дребезжит.
За окошком Луна мерцает, метель унялась давно,
И мохнатые звёзды — кроме твоей одной.

IV

Много лет подряд я иду по твоим следам,
По Telegram-каналам, по почте, по проводам.
Когда поезд проходит какой-то отдельный пункт,
Всё надеюсь освободиться от рельсошпальных пут,
И хотя бежать от составов тянет, как от огня,
Расписание, видно, стало сильнее меня.
...На крючке пальто, в рукаве притаился шарф;
Я иду и шагами земной разминаю шар,
По пустому городу, на неживой вокзал.
Небо давит так, что больно поднять глаза,

И в его глубине Возничий расправил кнут,
И колёса его колесницы меня сомнут.

Над косым горизонтом восходит твоя звезда.
Я родился значительно позже, я
На много веков
Опоздал.

* * *

Пиксельное небо, выколоты точки,
Догорает в кобальте жёлтый день весенний.
Ветер потрясает воротом сорочки,
И сию последнюю разделив со всеми.

С шарким шинным шорохом мчат автомобили,
Прорезая синее габаритным красным,
В поле пахнет известью, в поле пахнет пылью,
Выхлопными газами с федеральной трассы.

В полосе отвода пахнет креозотом,
Дремлют светофоров огоньки глухие.
Вдаль бегут составы. Гром за горизонтом
Растрясает облачность бильярдным кием.

Пролегли дороги за моря, за горы
Лентою муаровой, серым коридором.
Вдалеке за Томью расстелился город.
В полосе над западом спят гелиодоры.

Дама треф

* * *

Человек в красноватой бандане велел поднимать чифир;
Нехолодный, нестрашный декабрь дождём отекал с решёток,
Восемнадцать тяжёлых дыханий пустой стерегли эфир,
Испивая подгнивший воздух, как алкоголик шоты.

Эту ночь стерегу и я. Средь незначимых голосов,
В перестуке нард и табачном дыму, в дожигании самокруток
Шевелилась щеколда-грудина, мой ржавый, тугой засов,
Норовя скрежетнуть по лёгким, набитым мокротой ртутной.

С проводов передали победу, и все зашумели вдруг,
Прославляя свободу и наспех братаясь с грядущим годом,
Только мне одному вплоть до звона в ушах, до залама рук,
До зубовного скрежета выть хотелось и проклипать погоду.

И мороз по извёстке зажёт над моей головой письма,
И сведённые пальцы пытались что-то найти в кармане,
Я лежал, и бредил собой, и катал по губам имена,
И со мною одним в тот час говорил человек в бандане.

Человек в красноватой бандане когда-то был скрипачом,
Улыбался эфой. На смуглом лице — треморящей деке —
Я не видел теней и морщин. И за час, может быть, прочёл
Всё, что мог бы прочесть хиромант на живом ещё человеке.

Человек в красноватой бандане сказал: «Наступает ночь.
И зима, может стать так, окажется очень долгой.
Остаётся лишь только верить, что сбудется всё — точь-в-точь,
Но не здесь — за Москвой, за Окой, за Ветлугой, даже за Волгой.

На холодных, сырых предгорьях восьмидесятых долгот,
Над границей большой тайги, где веет западный ветер,
Там, в одном из седых домов, где за три считают год, —
Всё ещё проживает та, что вопросы твои ответит.

Что ни разу ещё до сих пор не являлась тебе во сне,
И чей образ тебе ни строфы, ни строчки не дал, ни слова,
И чьё имя по-гречески ты на матерной битой стене
Не писал никогда, а потом никогда не напишешь снова,

Что сегодня кому-то ещё — не тебе — признаётся в любви,
Оттого что когда-то ты за плечо не закидывал взгляда...
Позабудь обо всём, перекрасься и спрячься, и выживи, доживи,
И найди по любимым адресам, и останься навечно рядом».

Я кивал и мотал головой, и не было слёз в глазах,
И хотелось курить, и холодная жажда слепляла губы,
И узнать так хотелось, что завтра, что дальше, что — за,
И бежать так хотелось — в решётку, сквозь щели, по трубам,

И на западном ветре, что нервно бился о синий фонарь,
Неизвестного имени знаки случайно вложившем в ноты,
Что с цепи был сорваться готов, как в невозможную старь,
И меня унести на спине к восьмидесятым долготам.

А семнадцать тяжёлых дыханий шумели, а я молчал,
Имена, как горелые спички, в дырявом ища кармане,
Одиссей возвратится к Итаке, корабль найдёт причал —
Но об этом, конечно, не знал никакой человек в бандане.

LF

На руках твоих зажигается термояд,
И сияют звёзды на кончиках тонких пальцев.
В их приливном захвате кто может сгореть — сгорят,
Оставляя в спектральных линиях чёрный кальций.

На щеках твоих рдеют факельные поля,
В волосах твоих вздымаются протуберанцы;
Я легко бы себя обменял на один лишь взгляд
Всесжигающих карих глаз, не дающих шанса.

Оказавшись ближе, я тоже в тебе сгорел,
Гравитацией тотчас разорванный на нуклоны,
А затем, проход в кротовой найдя норе,
Возвращался назад, в раскалённое это лоно,

Бесконечное, точно время, множество раз...
И однажды не мог не проспать горизонт событий,
И остался в ядре, в этом пекле горячих фраз,
И оттуда, конечно, никак невозможно выйти.

Отпусти меня — и я возвращусь назад
(На масштабах таких в случайность верить не стоит) —
И втянусь в небытье — нирвану, шеол или ад
Этой чёрной дыры, что тоже была звездой.

L&M

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
И в силуэтах труб, и в оголовках шахт.
Так пахнет торфяной охряно-ржавый виски,
Так ёкает в груди, когда объявлен шах,

Так зреют за столом пустые разговоры,
Так падают огни с седьмого этажа,
Так запоздалый гость не прокрадётся вором
И так свербит в ногах, что просятся бежать;

Так радугой блестит засвеченная плёнка,
Так в небе городском нет ни одной звезды
В дымах далёкой ГРЭС, под облачной клеёнкой,
Так время мчится вскачь, как сивка без узды.

Четырнадцать часов прошли почти навывлет —
Я не сошёл с ума и с рельсов не сошёл.
Настанет новый день, и виски будет вылит.
Прости меня за то, в чём не был я смешон.

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
В пыли обочин трасс и в смоге городов,
В чужих путях домой, неясных и неблизких,
Во всём, на что смотрел, во всём, на что готов.

...с утра заладил дождь, и стартер неисправен,
Похмелье из ружья стреляет по вискам.
Я знал тебя во всём, чему я не был равен,
И в том, что вдруг нашёл, хотя и не искал.

* * *

Под косогором, на ковре огней химкомбината,
Где пламя факельных цветов сжирает синтез-газ,
Любой расскажет во Христе, что так ему и надо,
И воды Стикса утаят колодцы теплотрасс.

И на ночь глядя жилмассив раскидывает карты,
И раз за разом из колод выходит дама треф,
И улыбаются со стен Ваалы и Астарты,
И звонкий жестяной кумир покоится в ведре,

И в душных коробах квартир магоги и инкубы
На чадных кухнях, где из труб течёт ректификат,
Едят и пьют, целуют жён в обветренные губы,
И жёны тощих демонят качают на руках.

Морщин морозобойных сеть на деревянной коже,
И кости их из чугуна закалены в огне,
И Бога не о чем просить, и всё, что им негоже,
Не примет в жертву даже Бог, поскольку Бога нет,

Поскольку Бог взводил курки мостов Санкт-Петербурга,
Поскольку Бог точил клинки огней ночной Москвы,
Ему отказано — Ему и прочим демиургам,
И декалога не блюдут, и молятся на вы.

А где-то мир совсем другой другим помазан миром,
И сны его — другие сны — на радугах звенят,
И я скрываюсь в глубине совсем другой квартиры,
И Бог, который здесь живёт, всё знает про меня,

Здесь нет промасленных теней на стенах коридора,
Я просыпаюсь каждый день в объятьях дамы трэф,
И золото её волос в крови конкистадоров,
И в кареглазой глубине — срез Гефсиманских древ,

И в голосе её апрель исходит снегом талым,
И полусладкое вино течёт в её руке;
Из окон не видны круги окраинных кварталов,
И отблеск факельной звезды не виден вдалеке.

И я живу, и снятся мне всё реже и всё меньше
Химкомбинат и Ахерон, что спит на проходной,
И с ним все те, с кем я делил одежду, кров и женщин,
И крови с ними был одной, одной, одной, одной.

* * *

Дыхание скрипит, как старая кровать;
Я видел профиль твой в свеченье Кирлиана,
В пропановых цветах, привычных бликовать,
Во вздохах фумарол дюралевых вулканов,

На радиоволнах, касаемых плеча...
А тостер на хлебах печатает иконы;
Ектении машин сугубую печаль
Час шестый возглашал на траверзе балкона.

Над кафельной рекой плывёт кофейный дым,
По курсу фордевинд я выхожу из дома,
И мироточил лифт, и шёпотом седым
Кирпичную гортань пробил трахеостомой.

Я на крыльце стою и спички достаю,
А во дворе туман раскуривает трубку.
Мы курим и молчим. И птица Гамаюн
Клюёт булыжный рис и соляную крупку.

А профиль твой глядел с курчавых куполов
В пронзительную синь эклиптики влюблённых,
Где в сеть координат Косма Индикоплов
Вплетает ленты лет нефритово-зелёных,

Всесветных языков, огарков звёзд и глаз,
Посадочных полос и телефонных линий.
И страждущей рукой я открываю газ,
И в волосах твоих спит взрыв глоссолалии.

* * *

Посмотри наверх, повторяй за мной:
Я отдам свою жизнь за любой пустык.
К. Рупасов

Ни бездонней глаз, ни нежнее рук
Никогда я не знал, но не в этом суть.
Знаешь, я легко за тебя умру,
Потому что один не смогу уснуть.

Я асфальт, я небо, я всё одно,
Я гляжу с галогеновой глубины.
У дорог, ты знаешь, двойное дно,
В нём нечётности наши погребены.

Но к ресницам ластится шелкопряд:
Ты, ко мне прикасаясь, не тронь меня
На мостах, которые не горят,
И на храмовой паперти меж менял.

Паралич огней, средостенный стук,
Между дат, квадратиков обжитых —
Ты, всегда стоящая на мосту,
И случайный прохожий — но тоже ты.

...это календарное колесо,
Это всё только шёпот тяжёлых штор,
Это только сон, это только сон,
Это время, вменяющее в ничто.

Они были выше любых небоскрёбов и пирамид,
В них седая пыль, как фимиам, дымит.

Я одну за другой распелёвывал мумии книг,
И твой картуш стоял под обложкой любой из них.

* * *

А дым плывёт над полою водой,
И пахнет непроросшей чередой,
И тучи тлеют на закатном гриле:
В них постоянство снеговой охры
И память ферментированных рыб;
Всё было так, как прежде говорили.

Поговори, поговори со мной,
Как с половодьем к нам причалит Ной,
Заякорит ковчег, почти неслышим,
А наш с тобой прибрежный огород
Ему не знает равных воевод,
И радуга концом коснётся крыши.

И за заветы под косым дождём
Я буду наконец вознаграждён:
И вот в прихожей, мокрый плащ снимая, —
Ты, с факелом погашенным в руке
И в мягком грозовом воротнике,
Но грозы будут лишь в начале мая.

* * *

За проволокой, гибкой, как ковыль,
Где ножницы оттачивала Парка,
Где стыла звёзд пороховая пыль
На шомполах ограды лесопарка, —
Там, где-то там я много лет лежал,
Пассатом принайтованный к кровати,
И билась средостенная межа,
Отстукивая песнь о Гайавате,
И это был одиннадцатый час,
Бесчисленный одиннадцатый час.
Гидрографическая сеть двора молчит,
И проводное радио молчит —
Об остальном рассказывали в книгах.

Там вдоль бульвара пролегла дорога,
Которой люди, лучшие, чем я,
Ходили надлежаще и пристойно:
До муз, до слёз, до ветра и до школы —
И думали пристойно и умно.
И ты — как наилучшая из них —
Ты знала то, что подлежит любви,
И знала то, что надлежит любить,
Но обо мне не говорили в книгах.
Я книжек не любил и не читал —
Ни Богу свечка, ни тебе чета.
Но я не мог не следовать тебе,
Поскольку тишина необладанья
Едва ли тише всех колоколов
Далёкого парижского собора —

А ты всегда скрывалась в недрах зданий,
В подбрюшьях портиков, фронтонов, куполов.
Где я стоял — там проросли деревья,
В годичных кольцах осаждали стронций,
Шумели, точно дальние моря,
И я смотрел, как много лет подряд
Не у меня украденное Солнце
Шло над капеллой мёртвых голосов
Эклиптикой, как взлётной полосой,
И никогда не замедляло хода.

И всякий раз, как выходила ты,
Шла вдоль забора в городе заборов,
Любой мой шаг был шагом как на казнь
За совершенье мыслепреступлений.
Я выступал (в единственном числе) —
На снег апрельский, острый, стекловатый,
Как на врага, я нападал на след,
Да что ты знал об этом, Гайавата?
Но тропик Рака был сильнее меня,
Любая широта сильнее меня,
Любая широта была сильнее,
Я компас бил и карты изменял,
Но ты — всё дальше, небо — всё синее,
Я никогда тебя не догонял.
Я никогда не верил в колдовство,
Но книги на руках твоих сбывались.
И вот однажды к берегу крутому
Близ КПП, где угол Первомайской,
Пристал в своём каноэ старый Ягу,
И он тогда мне многое поведал:
О том, что лёгкий крейсер «Гермиона»
Утоп у берегов Мадагаскара,

Утоп за много, много миль до Трои —
Он вообще туда не собирался.
А я-то знал, что брешет старый Ягу,
Что этот чёртов злополучный крейсер
Загинул где-то под Александрией.
Но всё же он не доходил до Трои,
И я решил отправиться туда,
Поскольку в кормчих книгах кораблям
Быть не могло предсказано иное.

Дальнейшее, как водится, молчанье —
Как выходил один я на дорогу,
Которой раньше проходила ты,
И долго-долго уходил на запад,
Где смотрит сны отец мой Мэджикивис.

* * *

Я теперь дожил
До костей, до жил;
Возле лона её голубой кувшин,
Над её головой восемь звёзд горят,
И эклиптика венкой на лбу дрожит.
Над её головой восемь звёзд горят —
Много-много мгновений подряд
Я смотрел, как смотрела она,
Как черпают сырую вскрышу небес
Грейферные ковши.

Мезозойские КОЖИ

* * *

Очень много, быть может, тысячу лет спустя
Станет вдруг возможным попасться в сети знакомых улиц
И привиться жилой на городских костях,
На бревенчатых стенах, что дремлют, слегка ссутулясь.

Через низкую облачность этот город не видит Бог
И дожди на него насылают почти вслепую,
И теперь наступает ночь, и город впотьмах оглох,
И его не дозваться, сквозь морось бредя скупую,

И воды не испить с отсутствующего лица.
Вот, прищулив глаза, любой подтвердит учёный —
Ни в какой парадигме сей город не описать,
Нетождественный сам себе, сам на себя обречённый.

Только я не учёный, и к чёрту, стало быть, диамат,
Эту методологию всю, и тезис, и антитезис;
Пусть Затеевский на сторонах своих другие взрастил дома,
Но вдоль них по утрам всё так же гуляет его Лахезис.

И, на месте стоя, хочется задышать,
Только поры на коже забились зловонным салом,
Из раздутых ноздрей-колодцев испаряется, бьёт душа —
Что же, Господи Боже, с воздухом этим стало?

Город спит, недвижимый, и по его спине,
Иссечённой крест-накрест асфальтовыми ремнями,
Бродят духи нечистые, не исходя в свиней,
И по нервам его проводов кочуют от ямы к яме.

В этот город прийти возможно, а выйти никак нельзя —
Ни верхом, ни пешком, ни по воздуху, тут хоть тресни.
Он лежит, сам собою в тугие объятия взят,
Догнивает в сыром ноябре под трамвайные песни.

* * *

Ab ovo, с нуля, от печки — висит на колу мочало,
Блестящие дагеротипы благочестивых снов
Лежат в ледяной воде у ведомственных причалов,
И города в них не видно, но городу всё равно.

Начерчен кривой рукою, в больной голове воссоздан,
Граничное представленье — от Бердской до речпорта,
Резиновой дымной стужей напитан тяжёлый воздух,
И город застыл заедой в парящих зловонных ртах.

Не сложит Иеремия о городе этом прозы,
Поскольку от этих песен любой бы другой сомлел —
У города лейкоemia с высоким лейкоцитозом,
Он лыс, истощён и тесен, лежит на сырой земле.

И в тонах его артерий неразличимы ямбы;
У ЛПК, в изголовье, в фарфоровой темноте,
У самой его подушки согбенный сидит ноябрь,
По капиллярам улиц распыскивая метель.

Глаза закрывая нервно, забыв цветовую гамму,
И в этом условном сером не досчитать до ста.
На траверзе Пушкарёва стоят корабли да Гамы,
Но мне не уйти и с ними, поелику ледостав.

И в русле шуга и сало, и Томью рук не умоешь,
И голову зажимает не шапка — но только нимб;
У мельниц, на гребне дамбы, сидел у костра Камознш,
И я сам себя заметил среди говорящих с ним.

Звон струн, рассекавших кожу, скликал заозёрных мавров —
От Знаменской, с Пролетарки, с Картасного, с Водяной.
Вот — путь, невозможный вовсе, вот — город, который навран
В морозной парейдолии, в уверенности стальной.

О прошлого днях стеклянных,
О сумерках оловянных,
Поведай мне, чужестранец, и лучше всего соври,
Что в городе деревянном —
Ока́янном, окаянном —
Любой, кто до двух считает, всегда восклицает: «Три!»

На Строевой, на Шпальной, на топкой Правобережной
Любой назовётся Азом и сразу же всем воздаст.
В любом, самом новом фильме сюжет остаётся прежним,
Поскольку в библиотеках есть только Экклезиаст.

Метелью подбитый город не породит пророка.
Пусть гордые мореходы лениво жуют бетель.
Но с сизигийным приливом поднимется поророка,
И с юга подует ветер и двери сорвёт с петель.

Нежданная остановка, пит-стоп на девятом круге,
Под матовой снежной крошкой промёрзлый шершавый дёрн,
И снег на руках растает, и я умываю руки,
И всё, говорят, проходит, и это к весне пройдёт.

* * *

Григорию Горнову

Там, где снег в феврале скрипит, как дощатый пол,
Там, где боги мечут песок, а не едкий натрий,
Все твои поезда в обратном стоят депо
И уходят по кудровской ветке к химкомбинату.

Все стихи твои там известны, как «Отче наш»:
Их за мелкую мзду раздают в отрывных билетах.
В них нестройная музыка ТЭДов заключена,
Что звучит в ушах калориферным жарким летом

Всем трамвайным Орфам, прохожим и январям,
Здесь, под сенью контактной подвески, что их связала.
Пляшет зайчик солнечный на раздвижных дверях,
Вида тень твою в зазеркалье пустых вокзалов.

* * *

...да и в ночь на второе мая здесь снова была метель,
Но она здесь в любое время любого года.
Этот город не тот, в нём дома не те, и люди в домах не те,
И в колодцах звёзды не те, и, конечно, не та погода.

У тебя и тепло, и сухо, и письма звенят фольгой,
И мой долг писать, я надеюсь, давно уплачен,
Я жестоко завидую, но — ты мне платишь иной деньгой,
Как бы ни было там, я надеюсь, что ты не плачешь.

Мне приятны слёзы твои, как Зевсу дымы гекатомб,
Но мой собственный Бог, отвыкший от всесожжений,
Никогда ничего не рассказывал мне о том,
Как отмерить себе чуть больше косой сажени.

Дело, знаешь, не в том, что я был на лысой горе,
Видел сов электронных и цифровые мётлы,
Там очки возжигают костры, я в них прыгал, и я горел:
Лучше быть антрацитом, чем самым сухим помётом.

Мелкобуквенных ведьм у меня тут полна кровать,
Я себя по квартире загнал до седьмого пота;
Пусть дровишки строчат, мне плевать, мне на всё плевать,
Ведь они мне не Якоб Шпренгер, а я им не Гарри Поттер.

Под энцефалограммой моих мезозойских кож
Есть следы великих пожаров и массовых вымираний.
Погадай на меня и скажи, на кого бы я был похож,
Погадай, как по гуще кофейной, по гнойной ране:

Посылаю немного земли из глубин моей головы,
А ещё — вот щепотка соли из носослёзных копей.
Прорасти их в гортани своей и услышишь, увы, увы, —
Как ростки словоформ друг о дружку ломают копыя.

Приезжай сюда, мы укроемся в Кирпичах,
Мы увязнем в Болоте, в заозёрной утонем хмари,
На fm-волнах дотянись моего плеча,
Разыщи меня, и приди мне в любом кошмаре,

И спаси из него хотя бы и в день сурка.
Ты же много их знаешь — кликни любого мага!
Ведь как если я не проснусь на твоих руках —
Для чего мне писать и на что изводить бумагу?

Где не сжѐг гипертекст — там город меня душил,
Там, где он уставал, там топила метель немая.
Приезжай поскорее, но, в общем-то, не спеши —
День, когда ты приедешь, и будет второго мая.

* * *

Этот город на самом деле — исходный код,
Вот И-Цзин молодого асфальта, вот кофейная
гуща теней.

И на ложе его застелен голодный год
В письменах валтасаровой ночи баллончиком по стене:

В лёгких найдена ночь, и город в меня пророс,
На любом перекрёстке его горят урим и туммим.
Я ответ узнавал быстрее, чем задавал вопрос.
И в ответе любом, мой царь, встречался с собой самим.

Не велите казнить, мой царь, я почти забыл,
Как гуляют по Страшному рву молодые львы.
Утро быть бы могло, но нас не простят за «бы»,
Кто был третьим в конях, станет вторым в рулевых.

Мне немного осталось, мой царь, — дешифровать тебя,
Как кумранский свиток, как войничев манускрипт.
А колена окраинных улиц — слышишь? —
в рога трубят...
Нет, пардон, не они... я не спал, голова искрит.

Этот город каждое утро из века в век
Сам штурмует себя и сдаёт сам себя себе.
Что вам снилось, мой царь, что за фильм на экранах век?
На ответ, по моим подсчётам, приходится восемь бед.

Книги врут, мой царь:
Наши головы вместе сорвутся с горячих шей.
Наша кровь, как ни истинна, — всё-таки не вино.
А плавильные печи маршруток сливают людской
файнштейн
Из металла башни, снесённой давным-давно.

* * *

По контактной подвеске взад и вперёд гуляет
игристый ток,
Помавает небесная Рыба большим хвостом;
На конечной, в Мессинском проливе,
в троллейбус входит Никто
И не знает, что номер семь давно не идёт на восток.

И с мечом и кровью камлает на вскрытый пол,
Над душистой кислотной тьмою аккумуляторных ям.
Но сегодня все абоненты спят в подземном своём депо —
Что гекзаметр им, что хорей, что барабанный ямб.

Переулки Казанских проливов дрожат,
словно нервный тик
Дна морского считает дни по зарубочкам на костях.
Кто сказал — в одну реку дважды нельзя войти?
Нет, никто — Гераклит родится много веков спустя.

На углу Алеутской в диспетчерской башне
сидит Посейдон
И всю ночь напролёт мониторит эфир,
но радио барахлит.
Обратил в причалы мелькомбината он
Феакийские корабли.

Поиграем в подводную лодку, и все рули
К погружению, люки задраить, завесить шторы,
убрать часы,

Погрузить на борт все таланты и все рубли,
Круторогих тельцов, и вино, и овечий сыр.

Мы пойдём сквозь прекрасно-бессмертных шлюх,
Вдоль одноглазых инспекторов,
И Диспетчеру не нащупать нас тектонической рукой.
...заходили в троллейбус: правнук божеский,
Сын басилеев и внук воров.
Кто ты
Будешь такой?

Мойры и менты

* * *

И двадцать тысяч раз по двадцать тысяч лье
Без компаса, без карт, без ориентиров
Я плыл на полупереваренном белье
На душной лодке однокомнатной квартиры,

В горячей тьме гипнопомпической воды,
Во снах не веруя, но вверившись потоку;
В окне, удушливом, как полимерный дым,
Луна, завёрнутая в облачную тогу.

Мы спим на полупереваренном белье,
На обоюдоострой колее,
Вот ночь июльская случайно изваяла
Тебя, и ты, как неоконченный рельеф,
В изотермическом покрове одеяла,

И ночь июльская не выпустит удил
Часов, сбегающих, как капли по уклону, —
Один,
Один,
Один,
Ещё один,
Ты слышишь, ветер в проводах гудит?
В гнезде моей раздавленной груди,
Где кот-баюн баюкает циклоны.
(Ты спишь на полупереваренном белье.)

* * *

Однажды, в восемнадцатом году,
Когда неисчислимый тугодум
Наслал туманов больше всякой меры
За день до наступления брюмера,
Амур и цепи, стрелы ложевые
И врат подъездных псы сторожевые,
Где сумерки живые и живые
И рыжим волосом пробитое окно
От города, откинутого навзничь,
Отматывает оптоволокно,
В застывшей лаве молодых асфальтов
Троллейных трещин, — следует Клото,
Так стены закаляют наши цепи,
Гефест берёт отбойный молоток,
Белилом олова паяя мягкость сепий,
Октябрь, и город, дизельная кошка,
У ног мурлычет. В атомарной крошке
На перекрестье слипшихся волос,
В прицеле, в телескопе — взорвалось,
На катархейском отступе слипались
Обломки лун и первородный палец,
И вот до них не наступает «до».
Едва заснёт наш выморочный дом,
Едва заснёт, а я всю ночь не спал,
Жевал слова, бамбук и эреспал.
На третьем этаже и чуть повыше
Суровый Дант просил мечтать потише.

Он
Дым алифатических двестишый,
Я шишел-мышел,
Плюнул, встал и вышел,
На лавочке курили Диоскуры,
Болотные горели огоньки,
И в них Никто не говорил Ни с Кем,
Но голос твой, куда костей ни кинь,
Высокой нотой вытянув окуроч,
Звучал в штанцмарке на моём виске.

* * *

И ночь слепа, и месяц незряч,
Благоволит вора́м.
Меропа с неба роняет мяч
В ручей моего двора.

И ноет, точно перед грозой
Заговорённый зуб,
Фонарь похож на сперматозоид,
А я — на прокисший суп,

А гной похож на кровь с молоком,
А желчь — на пряный мёд.
И глина крика скаталась в ком,
И кожа немного жмёт.

И двор пустой — вдалеке, вблизи, —
Но если глаза напрячь —
У горки мёртвый стоит Сизиф,
Пинает упавший мяч.

И треснул ночи тяжёлый шёлк,
Натянутый и немой.
И каждый дорогой своей пошёл,
Он — в горку, а я домой.

И месяц щербатой дугой поник,
Увяз в молодой листве,
И льётся, льётся за воротник
Бессмертной Меропы свет.

Июня простые карандаши
Скребутся в ночной тиши.
Дыши, мой Сизиф, дыши — не дыши,
Дыши — не дыши, дыши.

* * *

Наша груша познания созрела под потолком, и в этом
Месте тронулся лёд — видишь, трещины на извёстке?
И вокруг наших стен, как Апоп, обернулось Господне лето;
Не имеет двойного дна новостная Лета:
Говорят, луну-рыбу съели морские звёзды.

Я смотрю: и ты на реке, и без вёсел плывёшь по стрежню,
Диафильмы мыслей твоих на экране из облачной
амальгамы,
Ты молчишь, ты молчишь, и ночь остаётся прежней.
Слышишь,
Выше двумя этажами мальчик играет гаммы?

Я проснусь — и три, и шаги твои, голова твоя,
ты идёшь на кухню,
Завернувшись в халат из видимой части Вселенной.
Ты сорвёшь эту грушу, и небо на нас не рухнет.
И в окно кулаками косых лучей стучатся параселены.

* * *

Город ластился игриво
К ватным облакам,
Дождик, разбавляя пиво,
Сплёвывал в стакан.

А в подъезде гром засовный
И зарничный свет.
Вечер душный, воздух сорный
Опадает с век.

В глубине осолоделой
Нитью темноты
Прошивают моё дело
Мойры и менты.

* * *

Я переродился в третьем сверху мире,
Где с утра до вечера дважды два четыре;
На плечах рубаха из вина и соли,
Под ногой комбайнами выбритое поле.
Ветер ртом хлебаю, напрягаю спину,
Голову безумную на плечи закинув.
Ты сидишь в четвёртых небесах Тушита,
Сложена канонами, сутрами расшита,
На стальных коленях Будды Шакьямуни,
Среди звёзд рубиновых, между полнолуний,
Пальцами вращая колесо сансары;
Волосы подвязаны слогом свитков старых...
Хочется подпрыгнуть и схватить за платье,
Даогреет палицей страшный Ваджрапати.
Если эти губы не для поцелуев,
Если вожделение жжёт напропалую,
Если образ виден на лучах закатных,
Где там просветление... Мне не стать архатом.
Как ни медитируй, а тебя всё видно,
Помоги убогому, Шри Ауробиндо!..
Этаких желаний не бывает сроду —
Дайте кислорода мне, дайте кислорода!

Под моими окнами бродит Сарасвати.
Я лежу привязанный в войлочной палате.
Нет небес Тушита, только потолок и
Под кроватью утка и Наракалока.

Неочевидный пейринг

* * *

Фрюктидор этих мест
Плодов не приносит, а только дым:
Задохнулась в межени Коларовская протока.
Мы пойдём через поле в лес,
Где в ручьях играет Фалес,
И на гребне водораздельной гряды
Колодец гигантов сойдётся с великим востоком.

А за лесом — снова круги на пустых полях,
На одном из них и однажды,
И дважды,
И трижды
Случится своё Ватерлоо.
Мы сойдёмся на этом — что ты Сусанин, а я поляк;
Я, страдаю от жажды,
Вернусь к реке,
Поднимать мертвецов из твоего улова.

И пойду по воде, поскольку стоит межень,
И, прождав тебя, отстою
Назначенную вигилию.
Если Данте полюбит Вергилия,
Это будет лишь только фанфик.
Я дождусь, дождусь — мы сойдёмся на рубеже,
Если ты на могиле моей прорастёшь в аканфе.
И на этом всё.

Если ты пойдёшь эдак, то я непременно так,
Вот Коларово, вот Казанка — от ограды и до ограды.

И круги на полях,
Чернозёмная чернота,
Новогодний дым подмёрзшего винограда.

* * *

Памяти И. Д.

Я купил билет до Москвы, а попал в Тюмень
И оттуда на утлой бочке катился до берегов Байкала.
Там с мячом Луны играл небесный тюлень —
Я тогда погасил фонарь, вылил масло и колбу разбил о скалы.

Я прильнул на сентябрьский снег ледяной щекой,
Где за мысом встаёт рассвет — взъерошен и накрахмален,
А на льдах кучевых тюлень своих выводил щенков
И кормил молоком из сосцов грозových наковален.

Цепь моих позвонков мороз легко расковал.
Скоро будет весна; я не чаю добраться до середины.
Бочка быстро сгнила, и на гальке остались одни слова:
Их покинутые щенки будут петь на пушистых льдинах.

* * *

Даже тени в этой квартире шкерятся под кровать.
Вниз по трубам текущий Нил стремителен и бурлив.
Мне теперь одному не выжить, несдобровать,
За окном восстают на бой пигмеи и журавли.

С того часа, как ты ушла, прошло двадцать пять веков,
И стекло часов стекло на морёный пол.
Я когда-то подумаю — следом уйти легко.
Но в прихожей, в шкафу, притаился засадный полк.

А на кухне пьют чай великий Тутмос и суровый Дант
За здоровье моей куртуазнейшей госпожи.
И пекут предсказанья в галетах грядущих дат,
И застреленный календарь под столом неживой лежит.

* * *

Наслоения текста ни от чего не лечат;
В запятых-шурупах мой средостенный ритм,
Меж расправленных скрепок-вен на твоих предплечьях,
На губах твоих, чуть горящих канцеляритом.

Долгих дней исход и ночей невозможных этих —
Если наше судное утро да будет горьким,
Разорви на запястьях цепь нормативных этик —
Но, видать, укатали сивку крутые горки.

Не дышать, не быть, не поверить, не отстраниться,
Раствориться в небе, в ризоме авиалиний,
Совладавши с пальцами, не обновлять страницу,
Отряхнуть с волос этот пепел, а может, иней.

Но — коль будь что будет, ни пламени, ни азарта —
Я давно играю по правилам, не взыщите, —
Если Страшный суд вызывает её на завтра,
Вот мой ордер, Господи; я приступлю к защите?

* * *

Время пахнет первородной тиной,
Шаркает по коже травертином.
В глубине фисташково-зелёной
Шевелят губами ламантины,
Водоросли-стрелки объедая,
И мгновений стружка золотая
Оседают на песок солёный,
Тает, тает, тает, тает, тает.

Из Египта, мимо гарамантов,
Из Гвинеи, с мыса Ароматов
Ветер мчит в иные палестины
Облаков клокастые армады.
И под небом, сплавленным из гарта,
Под муссоном, с ноября до марта,
Май седой сидит в моей гостинной,
Заполняет контурные карты.

* * *

Пергидрольным кольцом в белокурых дымах
Телецентр, который в неё влюблён.
А над Новой деревней стоит зима,
Подкоптившая небо сухим углём.

А с другого берега, с Кирпичей,
Отплывали ушкуйники-упыри,
И кикиморы в недрах родных печей
Из грудей отцеживали иприт,

Обещая нашествие всех стихий —
Изо всех щелей и со всех афиш;
МЧС рассылало её стихи,
И вдали, на высотах, курил Париж.

Но с амвонов кадился другой канон —
В одни руки не более трёх просфор.
Под мосты убегала сухим вином
Что Ушайка, что Стикс — голубой Босфор,

Запирая ключи под стальной порог
И грозя заплетеньем булыжных кос.
Но Харон запил, и его паром
Раз за разом валится под откос.

* * *

Я наблюдал над праздником хлопушек
Под хлопком нерождественского неба,
На хлопке снега из пироксилина,
Как гости, приходящие на праздник,
Пастозные, налившиеся люди —
Вином и мясом, рыбой, сельдереем, —
Шлифуют линзы,веряют стрелки
Хронометров, часов, секундомеров,
Поглаживают лимбы на секстантах,
Наводят окуляры прямо к люстрам,
Сверяют силу ламп по каталогам.
И двое, убегающих из зала,
Запрятались под ёлкой, между веток,
За белой драпировкою подставки,
Ложась, как в гроб, в картонную коробку,
Как одеялом, укрываясь цедрой
И шкурками опавших мандаринов,
И молча ждут назначенного часа,
И дрожью диффундируют друг в друга.
А в нужный час оставшиеся в зале
Играют в камень-ножницы-бумагу,
И ножницы, конечно, побеждают:
С победным хрустом размыкают бранши,
Картон кромсая на витые ленты.
И цедра не поможет против ножниц,
И шкурки не спасут от окуляров,
И дно коробки не отводит руки;
Поскольку праздник требует подарков,
То всё всегда случается, как должно.

Хронометры всегда находят время.
Секстант находит нужные долготы.

...А я не трогал присланных подарков
И забирался вверх, почти под люстры,
И, после сублимировав, в осадок
Я выпадал в коллоидных растворах
И с неба — снегом из пироксилина.
Я видел фольгированные луны,
Я видел целлофановые звёзды,
И вспышки салютующих сверхновых,
И залпы конфеттишных метеоров,
И всех, кто с них писал астропрогнозы, —
Они идут по хлопковым волокнам,
Снежки слепляя из пироксилина,
И курят, курят, курят, курят, курят...

Твёрдые формы

Децима III

Блесна Луны вцепилась мне под жабры,
И пешка в одиночку ставит мат,
И в грудь мою проталкивает март
Фонендоскоп витых шнуров поджарых;
На иды намечаются пожары,
И Цезари, попавшие под бой,
Кричат иерихонскою трубой.
Ты едешь в ночь. Меняется погода.
Озимых строчек прорастают всходы,
И все огни уходят за тобой.

Децима IV

На переходе, в самом центре мира,
Мы разошлись по разным сторонам,
Корундовая лопнула струна,
И метрономной пустотой эфира
Насытились рубины и сапфиры,
И мы закрыли прежнюю главу
О том, что не случалось наяву
И как на дне апрельского оврага
Мой голос, как наждачная бумага,
Стирает в пыль пожухлую траву.

Децима V

По майской дымке, солнцем разогретой,
Вальяжно спящей возле входа в парк,
Под действием Chateau de Tetra Pak
Я у ларька стреляю сигареты,
И город доверяет мне секреты,
И лишь тебя никак не выдаёт,
И, ночи проводя с тобой вдвоём,
Тебя ревнует к каждой острой тени
И к каждому из комнатных растений,
И смотрится в небесный водоём.

Децима VI

...а мне остались атласы и карты,
И повторять над ними, как в бреду:
Непальская столица — Катманду,
Столица Индонезии — Джакарта,
И остаётся — не по росту — парта,
Бассейны рек на белом потолке...
И я дремлю на согнутой руке,
И мне во сне назначена награда —
Снега вершины Охос-дель-Саладо
И Тихий океан невдалеке.

Децима VII

В седой пыли, под солнечным потоком,
В оправе белых деревянных рам
Ты наблюдала тишину двора,
На тонкий палец навивая локон.
Июнь мерцал на блёклой смальте окон,
И воздуха натянутый лавсан
Ловил, как сетью, птичьи голоса,
И полдень был сумаховым и жёлтым,
И золото с опавших фресок Джотто
Покоилось в волнистых волосах.

Децима VIII

И горизонт зарницами изломан,
И Персеиды в август влюблены,
И барк щербатой голубой луны
Отчаливал от розового дома,
И тень твоя обманывала гномон,
Но город не признал своей вины,
И в предвкушенье долгих выходных
Он отражал тебя в оконных бельмах.
Бульвар зажжёт огни святого Эльма.
И звёзды были вовсе не видны.

Децима XI

Ноябрь снился мне: с луной двурогой,
На угольных дымах большой земли,
Примёрзшие к причалам корабли,
К которым привела меня дорога.
Был день, когда я тропик Козерога
Сгибал в руках, как свежую лозу,
И снов не видел ни в одном глазу.
...из Палестин и прочих Абиссиний
Я помнил небо кобальтово-синим,
А сам нырнул в берлинскую лазурь.

Децима XII

По тротуару карнавальным танцем
В асбестовой горючей темноте
Шагает длинноногая метель,
А город, не дающий нам расстаться,
Играл на флейтах труб электростанций
И на кимвалах раздвижных дверей.
В непроходимом, непроездном дворе
На ярусах щербатого подъезда
Нелепая разыгрывалась пьеса
О том, как мы прощались в декабре.

Эвтаназия

* * *

Утонуло солнышко в банке гуталина,
Там, где в устьях рек седых день околевал,
Там тюлень-тюленюшка, phosa vitulina,
Мокрым ластом шевелит звёздный коленвал.

Это выползла Луна, громкая, как кочет,
Над молочной над рекой жестяной картуз.
Там, в заморной глубине, ангелы клокочут —
Белый шахматный король да пиковый туз;

Зимовали в рукавах мёртвого узбоя,
Можно было прикурить от морозных щёк —
Помнишь, как пивной ларёк захватили с боя?
Спи, мой маленький, не плачь, я куплю ещё.

Это чукча за тобой на собаках едет,
Это в раны-полыньи — чувствуешь, болят? —
Сыплют зиму напролёт белые медведи
Радиоактивный свет дальним кораблям,

Это прошлогодний снег, ставший нафталином,
Это долгая зима с ним наедине —
Спи, тюлень-тюленюшка, phosa vitulina,
Там, во сне, ни гарпунов, ни медведей нет.

Там, во сне, ни гарпунов, ни глоточка снега,
Лишь Возничий Гончих Псов лямкою хлестнул.
Музыка ионосфер выпадает с неба:
Солнце скоро повернёт — прямо на весну.

* * *

А на самом деле
Я больная мозоль на твоём мозолистом теле;
Ледокол, расколовший череп, велит не вставать
с постели —
Высекать благодатный огонь из сырых кресал.
Сухостойное древо познания и трупная зелень змия,
И меня превратит в буддиста лоботомия,
И тогда,
Вот тогда-то за счастье будет не воскресать.

По твоим полукружным каналам везут жемчуга и перец,
Твоя нижняя полая вена впадает в ересь,
Параллели рёбер твоих земной обручают шар.
Все Адамы теперь выходят вперёд ногами,
Не поверишь, но в этом мире люди не спят с богами —
Нерождённому, сотворённому
Лежать подле ног твоих,
Не дышать.
Мы почти анекдот,
Борода у него длиннее, чем у Крониона Дия:
Это — ты, это — я, а это — брадикардия,
Зуммер дальнего света фар,
Уснувший водитель ритма, —
Это снится тебе, это сны твои расплавляют битум,
И пластинку мира заело на ноте до.

Я бы мог рассказать,
Как грудную зиму в чердачных своих вершинах
На дыханье качают лифтовые машины —

Но богам никакого дела до мелкой людской зимы.
Восковые слёзы ни снегом, ни льдом не смыть.
И декабрь воли твоей живёт по своим законам,
Ты молчишь, ты молчишь, как обычно молчат иконы,
Ты молчишь, и не плачешь, и даже не мироточишь;
В византийском поджатии губ проступает ночь.
Я пророс
Из твоих волос,
Как солдат из худой шинели,
Мне приснятся кошмары с фаворским светом
в конце тоннеля,
Бесконечный хешван
Тем горше и тем жесточе —
В затаённом дыхании не проснуться
И встать невмочь.
Если даже имя твоё одно выбивает пробки,
Расплетает сплетенье имён в больной черепной коробке,
Сотворённой тобой
Из египетских грязей и полимерных глин...
Всё идёт по плану, и слёзы бегут по плану,
Выпадают дождями над Пуной и Альтиплано,
И из них когда-нибудь выпарят соль земли.

Колыбельная Анубису

А когда-то
Я видел сон,
Да, я, кажется, видел сон.
На мелованном срезе Луны
Марсианское спит лицо,
Где в сухих глазницах морей
Истлевают стальной хорей.
И Сатурн обручает пальцы твои ледяным кольцом.
Там, где гамма-лучи пробивают навывлет головы и тела,
Бодхисаттвы русалочки головы вертят на вертелах,
Там реликтовый чёрный, под ним
Грозовая гуляет мгла,
Орионом небесный цербер гоним,
И стоглоточен, и стоглав.
Он бросает тебя живьём в кипяток страстей,
И мясные волокна слов отстают с щелочных костей,
Над парящим разбухшим трупом стучит в барабаны стен
Эта ночь, отрыгнувшая нашу с тобой постель.
Там десятки песен, написанных не звучать,
Расплавляют твой голос на дуговых печах,
И русалки Моря Парбв, отрастившие много ног,
Примеряют сопранную медь на своих плечах.
Приходи и смотри,
Приходи и смотри
Много-много ночей подряд,
Как в глазах витрин
Твои города горят,
Как в далёких горах выпадают каменные дожди,
Как кипят чёрно-красным базальтовые моря,

И над ними я, извергнутый
Изо всех кальдер, из кратеров, из берегов,
Я — бессонный герой, во снах
Истязавший своих богов.

Но теперь я не вижу снов,
Я грешил, и хвала богам,
Я за это давным-давно разложился по морам и по слогам,
Слышишь, слышишь ли ты, как звучат
В седловинах твоих следов
Четвертные ноты ворон на линейках больших проводов?
Знаешь, знаешь ли ты —
Что следила за Поясом и Ковшом,
Как слова прободают брюшную аорту
отточенным карандашом?

Знаешь, знаешь ли ты,
Где теперь голова моя,
Где всю ночь напролёт горит грозовой маяк,
Метроном дождей поверяет холодный ямб,
И двоичен любой вопрос, и ответ на него двояк?
И эклиптика дремлет,
Созвездия спят по своим домам,
Если ты — и Анубис, и Пётр, и Радамант.
Приходи, мой Анубис, ко мне,
И по сердцу своём суди,
Если чаши ладоней твоих могут вынести мне вердикт:
Много лет назад я шёл по твоим следам,
Много лет спустя я жду твоего суда;
Я под Трою давным-давно все свои отпустил суда,
Приходи же ко мне,
Приходи,
Приходи, приходи сюда.
Приплыви по течению дней,
Если ветер теперь безглас,
По кровавым ручьям на белках варёных вкрутую глаз.

Ты мастабу мою,
Ты квартиру мою,
Ты гробницу мою найдёшь,
Как пастух бы нашёл вертеп:
Там в запястные кости играет ползучий хаос
Ньярлатотеп,

Он пропустит тебя на исходе любого дня,
Если ты поклянёшься не воскрешать меня.
Слышишь этот бетонный космос,
В котором Земля совершает впотьмах виток?
В чёрных дырах розеток бьётся сердце моё —
переменный ток.

И в сосудах моих проводов,
И в кишечных петлях проточных труб
Отражается, как в зеркалах, в саркофаге-кровати
лежащий труп.

И за дверцей шкафа прячется где-то Ка;
И мозги лежат, как в канопах, в спичечных коробках.
Диафильмы снов,
Стародавних бесцветных снов, —
Сохрани, напечатай их на своих руках.
Только не воскрешай меня, помавая
Розовою рукой:
Я на то был и смертен, чтобы
В конце бесконечных концов обрести покой.
Что тебе я теперь:
Опустевший череп,
Навылет пробитый бок?

...Видит сны во мне
Известковая тератома,
Случайно погибший бог.

Спи, любимая, спи
В углекислой истоме запаянной головы,

Ты, бессмертная, нерождённая на жарком
предвечном Юге.

Спи, любимая, спи,
Укутавшись в музыках горловых,
И тебя бы не смог увести ни Сет, ни Апоп
и ни Фредди Крюгер.

Не судившая ни о чём, не судимая по всему,
Спрячь весы свои в пеленах из моих тетрадей,
Даже если невечный город бормочет хмельной талмуд
И кровавое солнце встаёт в нефтяном дыму,
Это всё за тобой, о тебе, для тебя и тебя же ради,

Отмеряя подземный Нил от моего футштока,
Над кошачьей лапой,
Над лезвием ножевым,
Над гремящею тишиной,
Обращаясь вокруг Земли и не находя истока,
Спи, любимая, спи:
В голове моей не родится иных пророков,
И покуда я мёртв,
Никакая иная вера не властвует надо мной.

* * *

Сверкала звёздами
Рейдовая ночь,
Гаишники ловили большегруз —
Но большегруз никак не попадался,
Ходил на север объездной дорогой.

Я в эту ночь ходил на Копылово,
Где кончилась контактная подвеска —
Сходил с небес на низкую платформу,
И там, в конце её, меня встречала
Одна из тех технециевых женщин,
Что возникают в спектрах дальних звёзд,
А больше никогда, нигде, никак, ни для чего, ни в чём
Не возникают.

В дарохранильницах рук
Был пресный хлеб и пресная вода,
Но этот свет устойчивей протонов.
В её незримом наведённом свете
Я был неоном, кремнием, железом,
И внешние слои мои
Не умещались в красное смещение —
Вишнёвый сок
Стекал на низкую платформу.

...шёл большегруз десятою дорогой,
И дизели мурлыкали утробно
Большим собакам, маленьким медведям,
И сок стекал на низкую платформу,
И звёзды зажигались на погонах,
И золото пресуществлялось в ртуть.

Из древнеегипетского

[Она] говорит: «Я буду помнить, [я] не скажу
ничего [более, чтобы не сказать] лишнего».
[И я] не скажу ничего, [сам себя] не выдам.
Всё было выбито в известняке —
Да живёт она вечно, вековечно.

Я гранатовым деревом
пророс [у самого спуска] под землю,
где кончались пройденные [ею] дороги
[и куда] ей не было хода.
Она молчала под сенью [моей].
Красные зёрна созрели в кистях моих,
ни одного она не отведаёт, [поскольку]
не вернётся назад.

[Чтобы она] не спускалась вниз,
Это я сбегу под землю
Рыжим котом,
Отсеку голову
Змею[-поезду],
И исторгнутся
Выпитые им воды,
Реки вернутся в свои берега.

* * *

Если б мы с тобой повстречались в ином пространстве,
Я к тебе одной возвращался б из дальних странствий,
А теперь говорить о чём — о политике? О погоде?
Как часы по пустой квартире зловеще ходят?

Что уж тут: ненаучно любить и совсем не ново,
Только я никогда не умел ничего иного,
Только город *был*, и зима *была*, и снега *сияли*,
И искрились звёзды на байковом одеяле.

Мы гасили свет, чтоб не видели даже тени,
Как вырастают омелы в ветви других растений,
Как грибы в подземелье сплетают тенёта-гифы,
Как на чёрную падаль падают с неба грифы.

Если скажешь ты, что слова не проверишь в деле, —
Посмотри, как они меня до костей раздели.
...город сцапал нас огромной когтистой лапой,
И слова летают, как мотыльки, под ослепшей лампой.

Содержание

Собачий остров

«Под Собачьим островом...»	7
«Из квадратных окон...»	8
«Координатную сетку на мне...»	10
Метеорологический сонет	11
«За Басандайкой, в Аникинских переулках...»	12
«На бельевой верёвке ветер былое треплет...»	13
«На Батенькова, под часами...»	14
«Женщины, кислые, как молодое вино...»	15
«Пробей головой...»	16

Песни Четвёртого Каштака

«Я раздвинул шторы, открыл окно...»	19
Окно	21
«Фалес во мне потушит Гераклита...»	22
«Настанет отопительный сезон...»	23

Вниз по медным трубам

«Я вечером одним засел на “Красносельской”...»	27
Новомосковск	28
«Мой первый ход прямее...»	30
Железнодорожная баллада	31
«Пиксельное небо, выколоты точки...»	36

Дама трэф

«Человек в красноватой бандане...»	39
LF	41
L&M	42
«Под косогором, на ковре...»	44

«Дыхание скрипит, как старая кровать...»	46
«Ни бездонней глаз, ни нежнее рук...»	47
«Когда мы познакомились...»	48
«А дым плывёт над полою водой...»	50
«За проволокой, гибкой, как ковыль...»	51
«Я теперь дожил...»	54

Мезозойские кожи

«Очень много, быть может...»	57
«Ab ovo, с нуля, от печки...»	59
«Там, где снег в феврале скрипит...»	61
«...да и в ночь на второе мая...»	62
«Этот город на самом деле...»	64
«По контактной подвеске взад и вперёд...»	66
Юдифь	68

Мойры и менты

«И двадцать тысяч раз...»	71
«Однажды, в восемнадцатом году...»	72
«И ночь слепа, и месяц незряч...»	74
«Наша груша познанья...»	76
«Город ластился игриво...»	77
«Я переродился в третьем сверху мире...»	78

Неочевидный пейринг

«Фрюктидор этих мест...»	81
«Я купил билет до Москвы...»	83
«Даже тени в этой квартире...»	84
«Наслоения текста ни от чего не лечат...»	85
«Время пахнет первородной тиной...»	86
«Пергидрольным кольцом...»	87
«Я наблюдал над праздником хлопушек...»	88
«Нет теперь ни воды, ни воды...»	90

Твёрдые формы

Децима III	93
Децима IV	94
Децима V	95
Децима VI	96
Децима VII	97
Децима VIII	98
Децима XI	99
Децима XII	100

Эвтаназия

«Утонуло солнышко в банке гуталина...»	103
«А на самом деле...»	104
Колыбельная Анубису	106
«Сверкала звёздами...»	110
Из древнеегипетского	111
«Если б мы с тобой повстречались...»	112

Союз писателей Москвы

Литературно-художественное издание

Борис Пейгин. Гражданские сумерки

серия «Пироскаф»

Подготовлено к печати
издательством «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru
издатель А. Переверзин

редактор: А. Переверзин
корректор, технический редактор: О. Тузова

Подписано в печать 1.04.2020.
Формат 90х60/16. Усл. печ. л. 7,25.
Тираж 200 экз.

Знак информационной продукции
согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ

ISBN 978-5-6044237-2-1

9 785604 423721

Гражданские сумерки — граница, отделяющая день от ночи, свет от тьмы, а пограничные состояния во все времена интересовали поэтов больше всего. Борис Пейгин выступает здесь исследователем, составляющим собственную карту окружающего пространства. Нечасто случается, что дебютная книга оказывается цельным поэтическим высказыванием. С книгой Пейгина получилось именно так. Его голос слышен, его карта точна.

Александр Переверзин